

Sara Mažioni (Rim)

Славянское Возрождение в переписке М. П. Погодина с П. Й. Шафариком

Sara Mazzoni (Rome)

The Slavic Cultural Revival through P. J. Šafařík's Letters to M. P. Pogodin

Резюме. 1840-е гг. стали переломным моментом в развитии славянского самосознания. В эти годы идея «славянского единства» (которая имеет разные толкования и осуществления) начала принимать черты идеологии. Доклад посвящен теме публикации в журнале «Москвитянин» (1841—1856 гг.) отрывков из писем словацкого и чешского ученого П. Й. Шафарика (1795—1861) к русскому историку и редактору журнала М. П. Погодину (1800—1875). Известно, что Погодин переписывался со многими иностранными деятелями славянского возрождения, но, тем не менее, достоин внимания тот факт, что Погодину хотелось осведомить читателей (через специальный журнальный отдел «Славянские известия») о содержании личной переписки с Шафариком. Издание этих отрывков является ценным источником для изучения литературных и культурных связей между Россией и славянским миром. Переписка Погодина с Шафариком включается в широкий контекст истории воздействия на русскую мысль славистических научных исследований и славянского возрождения в целом.

Ключевые слова. П. Й. Шафарик, М. П. Погодин, «Москвитянин», славяне.

Abstract. The 1840's have been crucial in the development of Slavic self-consciousness and identity. In these years the idea of «Slavic unity» started to gain ideological features and to be open to different interpretations, varying from Austro-slavism to the so-called Russian pan-slavism. This paper focuses on the letters written

by the Czech scholar Pavel Jozef Šafařík (1795—1861) to the Russian historian and journalist Michail Petrovič Pogodin (1800—1875). These letters appeared between the 1841 and the 1853 on the Russian journal *Moskvitjanin* (1841—1856), edited by Pogodin. It is widely known that the latter was in correspondence with many foreign representatives of the emergent Slavic cultural movements, such as linguists, historians, writers and patriotic activists. Nevertheless, it is worth considering the fact that he wanted to make his readers aware of his private correspondence with Šafařík. In the context of Pogodin's thought and activity, the publication of Šafařík's letters to Pogodin is a valuable source for research in the field of the literary and cultural contacts between Russia and the Slavic world: it sheds light on some aspects of the history of the influence of the Slavic cultural revival movements on Russian thought.

Keywords. P. J. Šafařík, M. P. Pogodin, Moskvitjanin, Slavic world.

Сороковые годы XIX в. являются переломным моментом в развитии славянского самосознания. По словам А. Н. Пыпина, «славянское движение <...> непохоже на национальное движение немецкое или итальянское; это есть стремление объединить не *народ*, а целое *племя* (курсив в тексте. — С. М.) <...>» [Пыпин 1913: 165]. Действительно, идея «славянского единства» получила разные толкования, которые привели к разным воплощениям в зависимости от времени и от географического места: например, «славянская взаимность» Яна Коллара, «русский панславизм»¹ и еще «австрославизм». Все это свидетельствовало о рождении между славянами сознания, опирающегося на идею о наличии общих черт и интересов.

Данная статья является частью более обширного исследования «Идея славянства в “Москвитянин” М. П. Погодина», цель которого — изучение интерпретаций «славянской

¹ Выражение «Русский панславизм» появился впервые в французской печати, в статье славяноведа Киприана Робера [Robert 1846].

идеи» по материалам журнала 1840-х гг. Значительную часть этих материалов составляют письма словацкого ученого-слависта П. Й. Шафарика русскому историку Погодину, редактору «Москвитянина». Погодин переписывался со многими иностранными деятелями славянского возрождения [см.: Барсуков 1888—1910], но тем более достоин внимания тот факт, что ему хотелось познакомить читателей (через специальный журнальный отдел «Славянские известия» или «Славянские новости») с содержанием своей частной переписки именно с Шафариком. Представления о будущем славянских народов у Погодина сильно отличались от представлений Шафарика: в сороковых годах в идеях и деятельности Погодина уже обнаруживались зачатки так называемого «русского панславизма» пятидесятых и шестидесятых годов. А Шафарик, со своей стороны, очень редко выражал политические суждения и, как справедливо писала Л. П. Лаптева, его можно было считать австрославистом: он «разделял теорию создания автономных и равноправных — как между собой, так и с господствующей нации — славянских объединений в рамках Австрийской монархии» [Лаптева 2007: 82]. Несмотря на это, «авторитет Шафарика как ученого был в России очень высок, и каждый русский исследователь, которого серьезно интересовали вопросы, связанные с изучением славянства, обращался к Шафарику» [Там же: 82]. Поэтому его письма были для редактора «Москвитянина» очень ценными и достойными распространения.

Погодин дал своим сотрудникам (предположительно О. М. Бодянскому) письма Шафарика для перевода и потом опубликовал их в номерах «Москвитянина». Эти письма могут быть рассмотрены как часть культурного процесса образования «славянской идеи». Прежде чем обсудить содержание писем, мы попробуем понять, по каким идейным канонам создавались представления о славянстве.

1.

Как известно, уже с середины 1830-х гг. в русском обществе центральными стали споры о народности. По этому поводу, в «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский писал: «*Народность* (курсив в тексте. — С. М.) — вот альфа и омега нового периода» [Белинский 1953: 91]. Больше всего в этих спорах нас интересует определение славянского самосознания как части русской народности: откуда произошло такое определение? Одним из самых главных моментов в формировании идей Погодина и его ровесников является влияние немецкой философии, особенно Ф. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля, о чем часто упоминается в научной литературе [см., напр.: Манн 1998]. Однако, если учитывать образование идеи народности и особенно ее отношение к идее славянства, весьма важным оказывается влияние философии И. Г. Гердера. Философия Гердера выражалась в попытках решить вопросы о развитии характерных атрибутов человечества (искусства, разума и языка) в историческом процессе [см.: Гердер 1977: 615]. По мнению Гердера, история представляет собой непрерывную цепь, где все древние и современные народы играли незаменимую роль. В своей главной работе «Идеи к философии истории человечества» Гердер рассматривает разные культуры в истории и современности. Посвящая одну из глав славянским народам, он выявляет в ней отличия славян от германских и других народов. Гердеровская типология народов имела лингвистическую основу и поэтому, согласно ей, славянство считалось единой нацией.

«Славянские народы занимают на земле больше места, чем в истории, и одна из причин этого — что жили они дальше от римлян» [Гердер 1977: 470]. Гердер начинает главу о славянах этими словами, оспаривая общую в современной ему историографии тенденцию, которая главным образом сосредотачивалась на истории Древнего Рима и боровшихся с ним народов. Славяне занимают «чудовищное пространство, какое населяет в Европе

одна-единственная нация, по большей части еще в наши дни» [Гердер 1977: 470]. Эта «славянская нация» никогда не играла главную роль в истории, потому что славяне «никогда не были народом воинственным, искателями приключений, как немцы» [Гердер 1977: 470]. Наоборот:

Повсюду славяне оседали на землях, оставленных другими народами, — торговцы, земледельцы, и пастухи, они обрабатывали землю и пользовались ею; тем самым после всех опустошений, что предшествовали их поселению, после всех походов и нашествий, их спокойное, бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились [Гердер 1977: 470].

Согласно своему духу, славяне вели

веселую, музыкальную жизнь. Они были милосердны, гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны, враги разбоя и грабежей. Все это не помогло им защититься от порабощения, а, напротив, способствовало их порабощению [Гердер 1977: 470—471].

Вопреки этой слабости, особенно в сравнении с немецкими и азиатскими народами, Гердер предвещает будущую судьбу славян:

Несчастье славян — в том, что по положению среди народов земли они оказались, с одной стороны, в такой близости к немцам, а с другой стороны, тылы их были открыты для набегов восточных татар, от которых, даже от монголов, они много пострадали, много натерпелись. Но колесо все переменяющего времени вращается неуклонно, и поскольку славянские нации по большей части населяют самые прекрасные земли Европы, то, когда все эти земли будут возделаны, а иногo представить себе нельзя, потому что законодательство и политика Европы со временем будут все больше поддерживать спокойное трудолюбие и мирные отношения между народами и даже не смогут поступать иначе, то и славянские народы, столь глубоко павшие, некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства, станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли — от Адриатического моря до Карпат и от Дона до Мульды — и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли [Гердер 1977: 471].

В данной статье мы не будем вдаваться в подробности судьбы Гердера в России, об этом обстоятельно писала Е. П. Жукова [Жукова 2007]. Скажем только, что труды Гердера начали издаваться в России в начале XIX в. и что его идеи приобрели между славянами широкую известность: славянское Возрождение первой половины XIX в. можно считать попыткой осуществления гердеровского пророчества. Например, в это время приобретают особое влияние сочинения Я. Коллара: словацкий поэт провозглашал идею «славянской взаимности», опираясь на возобновленное славянское самосознание, благодаря которому славяне начали воспринимать себя как единую нацию и считать свои языки наречиями одного языка. Эта теория не являлась политической программой [см.: Kollár 2008: 75—76], а выделяла духовное единство всего славянского, основываясь на философии Гердера.

2.

Погодин познакомился с Шафариком в 1835 г. в Праге, во время своего первого путешествия за границу. Эта встреча произвела на Погодина весьма сильное впечатление: русского историка поразила авторитетность Шафарика как ученого и вдохновителя «славянской идеи». В своем «Дорожном дневнике» Погодин так описывает разговоры с чешским ученым:

«Сохранить язык в устах народа — вот наше предназначение, и больше ничего. Ни об чем другом мы не должны заботиться. Это не наше дело. Да будет что угодно Богу», сказал Шафарик, и начал развивать перед мною историю судеб Славянских, прошедших и настоящих; речь его текла спокойной, величественной струей. Сознание достоинств своего народа, горячая любовь к нему, убеждение в великом предназначении, какое-то священное терпение, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, пламенная вера в Провидение — вот чем было проникнуто всякое его слово [Погодин 1844: 113].

Между прочим, из слов Погодина выделяется общий с Шафариком гердеровский взгляд на историю:

Ни одного имени, ни одного лица не упомянул Шафарик; только племена, народы занимали его. Он не устаивал почти вниманием ежедневных происшествий, а говорил о вековых последствиях. Я внимал великому мужу не смея дохнуть, опасаясь поранить одно слово, смотрел на него с благоговением [Погодин 1844: 113].

«Дорожный дневник» Погодина — свидетельство того, что представления ученого о славянстве до Крымской войны сформировались главным образом во время его первых путешествий по австрийским и венгерским городам, где доминировало славянское население. Влияние, оказанное Шафариком и другими деятелями славянского Возрождения, подогревало в Погодине интерес к славянству. Уже в этот период славянская идея Погодина нашла отражение в одном из первых номеров «Москвитяина»:

Но нам, нам стыдно заботиться о познании народов чуждых, и пренебрегать своими, единоплеменными, в которых течет одна кровь с нашею, которые говорят одним языком и исповедуют отчасти одну веру. Москвитянин почитает своей миссией распространять в России сведения о племенах Славянских, которые составляют треть всего Европейского народонаселения (80 млн из 240) [Москвитянин 1841: 460].

В «Москвитяине» публиковались материалы, касающиеся славянских языков, истории и культуры славян, их условий жизни за пределами Российской Империи. Между прочим, одним из источников для журнала стал перевод писем Шафарика, который, сам того не осознавая, стал корреспондентом из славянских земель. Кроме личных событий, Шафарик сообщает Погодину самые главные литературные, научные, и политические новости, касавшиеся главным образом славян в Австрийской империи. Через письма Шафарика можно понять суть славянского Возрождения и то, с каким восторгом воспринималось его воплощение. Изучение этой переписки позволяет выделить три ее главные особенности.

Первая заключается в том, что во всех своих письмах Шафарик рассказывает о главных новостях в области славистических научных исследований и литературных произведений. Славянские ученые и писатели таким образом становятся «создателями» новой культурной реальности. В этой новой реальности вырисовывается новое географическое пространство: города, которые до сих пор были провинцией Империи (Прага, Загреб, Пресбург) становятся новыми славянскими столицами. Итак, в Загребе Л. Гай «объявил о своем “немецко-иллирийском” словаре», пока в Венгрии «Гамульяк объявил подписку на собрание сочинении (в 4-х томах) Иоганна Голяго. Штур многое приготавливает в Пресбург, и во-первых продолжение прекрасного журнала Татранки». Одновременно, «в Праге, вышли: грамматика вендско-сорабского языка в верхней Лузании <...>. Ганка трудится над своим карманным Чешским словарем, который будет напечатан в Лейпциге. <...> В Лайбах печатаются словенские песни <...>» [Москвитянин 1841а: 489—490].

Вторая особенность — это осознание трудности дела. В первых своих письмах Шафарик выражает оптимизм по поводу чешской художественной литературы. Однако с 1844 г. он начинает высказывать недовольство литературной жизнью славян вообще. Даже если он часто останавливается на частных народных литературах, он рассматривает их как явления общеславянской литературы:

3-го марта. Литературная жизнь, т. е. Славянская, которая нам ближе к сердцу, находится в каком-то застое, разделении (Zerrissenheit), и подвигаясь отчасти вперед, ступает отчасти назад. Причины тому — общие и частные; первые заключаются в духе времени, который стремится почти только к вещественным выгодам и удовольствиям; вторые в особливом положении здешних разделенных и различным образом противопоставленных между собою Славянских племен [Москвитянин 1844: 392].

И еще:

О ходе наших трудов, нашей литературы, не могу я сказать вам ничего удовлетворительно. Время, кажется, неблагоприятно работам этого рода.

Может быть вновь определенные профессора успеют в чем-нибудь со временем: искренно того желаю, но на то нужно время, ибо искусства и науки могут люди легко, очень легко, и в короткое время, убить до смерти, но пробудить их может только Бог, и созреть, вырасти, могут они только медленно в продолжительном течении времени. По тому я и не надеюсь, чтоб мои глаза увидели из того много, хотя я не отчаиваюсь, ибо *prudens futuri temporis exitum caliginosa nocte premit Deus ridetque si mortalis ultra trepidat*² [Москвитянин 1850: 38].

И наконец, письма характеризуют также энтузиазм и надежда на будущее. Поскольку славянская литература — это та, которая им «ближе к сердцу», Шафарик радуется всем хорошим новостям русской литературы и науки:

Я получил присланные из Москвы книги. Радуюсь успехам Русской литературы: многие сочинения для меня настоящее сокровище, и принесли бы великую пользу, если бы я имел время и силу изучить их. Самые известия, заключающиеся в вашем письме, излили животворную росу на мою душу. Вот это так, и надо сказать, что пора! [Москвитянин 1844: 392].

Энтузиазм читается и в письмах Шафарика, и в комментариях Погодина, который иногда оправдывается перед читателями за упреки своего друга. Даже если Погодин и Шафарик во многом разные и мнения их расходятся, их объединяет энтузиазм ко всему славянскому. Шафарик пишет:

Статья о книгах истинных и ложных и суевериях (у Калайдовича и Розенкампа) давно уже заслуживала бы основательного комментария. Проклятый журнализм поглощает у вас всякое истинное исследование и знание <...> [Москвитянин 1843: 550].

И в конце письма Погодин добавляет свое примечание, в котором обращается к читателям:

Сообщая соотечественникам к сведению драгоценные указания, и приглашая их обратить внимания на всякие Сборники, <...> я кстати извещу здесь о многих важных открытиях, кои посчастливилось сделать и у нас [Москвитянин 1843: 551].

² Цитата из Горация: «Благоразумный Бог погружает будущие времена в ночную темноту и насмехается над человеком, который сильно тревожится» (перевод наш — С. М.).

Итак, как представители романтического поколения, Шафарик и Погодин разделяли мировоззрение, происходившее от философии Гердера и от его идеи о народе и нации, и поэтому их объединял одинаковый энтузиазм по отношению к славянскому Возрождению. Как ученый, создатель важнейших филологических и исторических трудов о славянах, Шафарик оказал сильное влияние на Погодина и его единомышленников, даже если его представления о будущем славян и сущности славянского единства отличались от идей Погодина. Несмотря на это, авторитетность Шафарика среди русских ученых была неоспоримой. С издательской помощью Погодина в 1840-х гг., Шафарик оказал значительнейшее влияние на русские представления о славянстве и на формирование идей будущего русского панславизма.

СОКРАЩЕНИЯ

Барсуков 1888—1910 — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910.

Белинский 1953 — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. М., 1953. Т. 1.

Гердер 1977 — *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

Жукова 2007 — *Жукова Е. П.* Гердер и философско-культурологическая мысль в России. М., 2007.

Лаптева 2007 — *Лаптева Л. П.* А. С. Хомяков и его связи с чешскими учеными // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. М., 2007. С. 106—113. Т. 1.

Манн 1998 — *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика. М., 1998.

Москвитянин 1841 — *Москвитянин.* 1841. № 2.

Москвитянин 1841a — *Москвитянин.* 1841. № 8.

Москвитянин 1843 — *Москвитянин.* 1843. № 6.

Москвитянин 1844 — *Москвитянин.* 1844. № 6.

Москвитянин 1850 — *Москвитянин.* 1850. № 23.

Пыпин 1913 — *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913.

Погодин 1844 — *Погодин М. П.* Год в чужих краях (1839): дорожный дневник (в 4-х тт). М., 1844. Т. I.

Kollár 2008 — *Kollár J.* Reciprocity between the Various Tribes and Dialects of the Slavic Nation. Bloomington (Indiana). 2008.

Robert 1846 — *Robert C.* Les deux Panславismes: situation actuelle des peuples slaves vis-à-vis de la Russie // *Revue des deux mondes.* Novembre, 1846.

Информация об авторе: Сара Маццони, аспирантка, Римский Университет «Ла Сапиенца»; Рим, Италия; e-mail: sara.mazzoni@uniroma1.it.

About the author: Sara Mazzoni, PhD Student, «La Sapienza» University of Rome; Rome, Italy; e-mail: sara.mazzoni@uniroma1.it.